

В пятницу после школы Цзян Чан, который всегда любил оставаться в классе, чтобы закончить уроки, на этот раз ушел рано.

Была очередь Лу Линьцзэ дежурить. Увидев, что Цзян Чан уходит, он тут же сунул веник в руки Сун Циньюэ и быстрыми шагами бросился за ним.

Добравшись до школьных ворот, он увидел, что Цзян Чан сел в черный автомобиль и уехал.

Лу Линьцзэ помнил, что Цзян Чан никогда не уходил домой по выходным. Состояние Цзянчана в последние дни в сочетании с его сегодняшним поведением навели Лу Линьцзэ на мысль, что в семье Цзяна могло что-то случиться.

Спросив классного руководителя, он узнал адрес дома Цзян Чана.

Он еще не успел дойти до дома Цзян Чана, как издалека заметил на земле у ворот худую фигуру.

Кто же это был, если не Цзян Чан.

Сердечко Лу Линьцзэ ёкнуло. Он подбежал ближе и только тогда разглядел, в каком ужасном и плачевном состоянии находился лежавший на земле человек.

Прежде белоснежная школьная форма была сплошь покрыта грязью, дождевая вода и следы от ног мокрыми пятнами смешались на ней, отчего она казалась еще грязнее. Лицо Цзян Чана было залито кровью и покрыто синяками, а кровь, вытекшая из ушей, запеклась, и ее снова размыло дождевой водой, оставив живописные разводы на совершенно бескровном, бледном лице Цзян Чана.

Цзян Чан лежал плашмя на земле, похожий на потерявшую всю жизненную силу тряпичную куклу.

Лу Линьцзэ без малейших колебаний подхватил Цзян Чана на руки и со всех ног побежал к ближайшей больнице.

Его не волновало, что дождь промочил его волосы, и он не думал о том, что его всегда тщательно выглаженная и аккуратная школьная форма пачкается о грязь на теле Цзян Чана.

Лу Линьцзэ снял с себя верхнюю школьную кутку и укутал в нее Цзян Чана, на бегу пытаясь докричаться до человека на руках:

— Цзян Чан, не спи, очнись!

Однако человек на руках уже никак не реагировал — лишь слабый пульс служил доказательством того, что он все еще жив.

Цзян Чан почувствовал тот самый приносящий невероятное успокоение запах сандала. Ему стало так тепло, и ему совершенно не хотелось просыпаться ото сна.

Лу Линьцзэ почувствовал, как голова Цзян Чана качнулась и потерлась о его грудь. Даже сквозь шум проливного дождя Лу Линьцзэ уловил слабый, полный боли стон Цзян Чана.

Лу Линьцзэ еще никогда не казалось, что он бежит так медленно.

Без чувств Цзян Чана ввезли в отделение скорой помощи, а Лу Линьцзэ остался ждать

снаружи.

Вскоре вышел врач, и Лу Линьцзэ тут же подошел, чтобы расспросить о состоянии Цзян Чана.

Врач снял маску и сказал:

— У пациента перелом ребер, но, к счастью, внутренние органы не задеты, ему нужен лишь покой. Кроме того, он подвергся избиению и промок под дождем, поэтому сейчас находится в бессознательном состоянии. Внешние травмы мы уже обработали, а также поставили капельницу с глюкозой. Приглядывайте за ним, и если у него начнется жар, сразу же нажимайте на кнопку вызова.

Лу Линьцзэ кивнул в знак согласия.

Он вошел в палату и сел у кровати Цзян Чана.

Лицо мальчика было совершенно лишено красок, что заставило Лу Линьцзэ вспомнить прошлую жизнь.

Этот маленький глупышка выпала слишком тяжелая доля.

Он и представить не мог, что Цзян Юаньцзюнь поступит с Цзян Чаном так жестоко. Говорят, даже тигр не ест своих детенышей, но этот Цзян Юаньцзюнь просто омерзителен до предела.

Лицо Лу Линьцзэ стало еще мрачнее: как только у него появится реальный вес в корпорации Цзян, первым делом он разделается с корпорацией Цзян.

Каждый раз, когда он сомневался, стоит ли протянуть Цзян Чану руку помощи, в его памяти всплывала та сцена из прошлой жизни, когда их обоих заперли в комнате.

Этот дурачок, хотя сам дрожал от страха, все равно пытался изобразить улыбку, которая выглядела хуже слез, и утешал его:

— Мы обязательно спасемся.

Удар за ударом клинок вонзался в грудь Цзян Чана, а Лу Линьцзэ вне себя от безысходности кричал на бандитов, но так и не смог защитить жизнь Цзян Чана.

Он видел, как Цзян Чан дрожащими руками закрывал себе глаза, бормоча про себя: «Закрою глаза, и Чан-чан больше не боится».

С трудом выдавливая слова, Лу Линьцзэ обратился к человеку на больничной койке:

— Прости.

Лу Линьцзэ считал, что у него нет чувств, что он родился хладнокровным существом и не станет менять свои эмоции под воздействием внешних факторов, поэтому он убивал без малейшего колебания — ведь эти люди заслужили такой конец.

И все же в прошлой жизни, увидев тот момент, когда Цзян Чан окончательно угас, он пожалел об этом: долги семьи Сун не должны были оплачиваться ценой жизни Цзян Чана.

Лу Линьцзэ знал, что Цзян Чан его не слышит, но все равно пообещал:

— Цзян Чан, в этой жизни я заставлю Сун Цинъюэ искренне полюбить тебя, считай это моим возмещением тебе.

Двенадцатая глава. Да лучше бы ты сдох

Состояние Цзян Чана было не из лучших, и вскоре у него поднялась высокая температура.

Лу Линьцзэ протянул руку и легко коснулся лба Цзян Чана: лоб мальчика был обжигающе горячим, а на щеках проступил неестественный румянец.

Он нажал кнопку вызова. Вошла медсестра с жаропонижающим лекарством, набрала препарат шприцем и ввела его в инфузионную систему.

Уже стояла глубокая ночь. Лу Линьцзэ встал и выключил свет в палате, оставив лишь тусклый ночник. Его теплый свет мягко освещал Цзян Чана, который выглядел невероятно послушным и тихо лежал на кровати, напоминая маленькую собачонку.

Лу Линьцзэ посидел у больничной койки, немного поколебался, а затем поднялся и вышел в коридор.

Он попросил телефон у дежурной медсестры Цзян Чана и набрал номер.

Молоденькая медсестра сидела на посту и с улыбкой смотрела на стройного, красивого парня. Она услышала, как он намеренно понизил голос во время телефонного разговора, а повесив трубку, направился к ней.

— Я уже позвонил родственникам пациентки из двадцать третьей палаты, скоро они подойдут. Если спросят, кто привез больного в больницу, ответьте, что просто добрый человек. Извините за беспокойство, — сказал Лу Линьцзэ медсестре.

Медсестра ничего не поняла, но все же кивнула в знак согласия.

Цзян Чан пришел в себя лишь спустя четыре часа. Сознание возвращалось к нему постепенно, и когда зрение прояснилось, он заметил, что у его койки сидит знакомый человек.

Увидев, что он проснулся, Сун Цинъюэ тут же потянулся нажать кнопку вызова над головой Цзян Чана.

Однако он никак не ожидал, что Цзян Чан, словно от рефлекторного испуга, инстинктивно отпрянет назад. Движение оказалось резким и задело иглу капельницы, из-за чего тыльная сторона ладони в месте укола мгновенно вздулась.

— Цзян, не двигайся, пожалуйста, медсестра сейчас подойдет. — Сун Цинъюэ испугался резкого движения Цзян Чана, но все же попытался его успокоить.

Цзян Чан не смел поднять на него взгляд и тихо произнес:

— Спасибо.

К счастью, медсестра подошла вовремя и переставила капельницу. Вот только вены у Цзян Чана были тонкими и хрупкими, попасть в них удалось лишь с третьего раза, так что в итоге

вся кисть покрылась синяками и следами от игл.

Отрегулировав скорость капельницы, медсестра наказала Сун Цинъюэ:

— Родственники обязаны хорошо заботиться о пациенте. В течение недели разрешена только легкая пища, лучше всего жидкая. Раны на теле нужно регулярно смазывать мазью — если больной сам не достает до каких-то мест, помогайте ему.

<http://bllate.org/book/25950/3107313>